

ВЪСТАНЪЗЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. ШАРКОВИЧЪ

Изд. В. ВУБАНЪ

ВЪ СТЕПЯХЪ И ПРЕДГОРІЯХЪ

А Л Т А Я

„Ш А Т У Н Ы“

— И много такихъ-то... Вотъ хотъ бы Шишкинъ съ Верещинской заимки—можетъ, слыхали! Какъ хорошо мужикъ зажилъ: пашню пахаль большую, скотомъ приторговываль,—почитай, первый человекъ по Змѣеву былъ. Поѣдетъ, бывало, на парѣ заводскихъ, въ кованой телѣжкѣ, самъ въ поддевкѣ изъ тонкаго сукна, шляпа изъ лавки, возжи цвѣтныя... Это править—ни на кого не смотреть, ровно купецъ какой: знай, молъ—никто другой, а Шишкинъ ѣдетъ! Ну, и уважали его,—ничего, что онъ російскій, давно ли въ лаптяхъ пришелъ, а отъ купцовъ ему довѣріе было на большія суммы... Не умѣлъ же, слышите, жить, опять вздумалъ переселяться—въ Павлодарѣ у казаковъ земли хорошія обьскались... Вѣрите, поѣхаль, клажи съ нимъ было на восемнадцати телѣгахъ—все на желѣзномъ ходу, да парой, воловъ погналь паръ двадцать, одной пшеницы продалъ тысячи двѣ пудовъ. Хорошо жилъ мужикъ, что говорить! Однако, слышимъ-послышимъ, разорился нашъ Шишкинъ дочиستا: волы дорогой попадали, лошади начали паршивѣть и тоже перевелись, неурожай—два года подъ рядъ; теперъ остался съ одной лошаденкой. Вернулъ бы, сказываютъ, въ Змѣевъ, да стыдно: былъ первый человекъ, а теперъ кто?—тьфу!.. Или вотъ возьмите Васку Богача...

— Позвольте, однако,—перебилъ я своего спутника:—были же какія-нибудь причины, которыя побуждали Шишкина выселиться

изъ Змѣева. Вѣдь не потому же онъ бросилъ все хозяйство и ушелъ въ Павлодаръ, что тамъ земли хороши, когда и здѣсь онѣ ничѣмъ не хуже, а, пожалуй, лучше: вѣдь сами же вы говорите, что здѣсь почти не знаютъ, что такое неурожай, а въ Павлодарѣ они довольно часты. Если человѣкъ уходитъ съ мѣста, значить, что-нибудь да не нравится же ему тутъ, иначе онъ не поидеть... Объяснялъ же чѣмъ-нибудь Шишкинъ уходъ свой?

— Да чѣмъ объяснял? Дѣвки, говоритъ, подросли, время замужь выдавать—надо въ Павлодаръ ѣхать. Все тутъ и объясненіе.

— Да здѣсь-то у васъ жениховъ, что-ли, нѣтъ, что за ними нужно ѣхать за сотни верстъ?

— Куда они дѣвались! Да ему, Ироду, видите, здѣшніе-то не глянутся. Дуракъ, просто сказать, дуракъ! И всѣ они такіе же—и Васька Богачъ, и Никита Баранниковъ!

Такъ говорилъ змѣиногорскій обыватель—„бергаль“, случайный спутникъ моихъ скитаній по Змѣиногорскому краю, характеризуя одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ жизни переселенцевъ въ Сибири—неустойчивость ихъ положенія, легкость, съ которою они бросаютъ насиженное мѣсто и безъ всякихъ, по видимому, причинъ мѣняють его на новое, часто гораздо худшее.

Этого рода рассказы о внезапныхъ переселеніяхъ разбогатѣвшихъ „россейцевъ“, которымъ, казалось бы, рѣшительно незачѣмъ искать „новыхъ мѣстъ“, и самыя нелѣпыя объясненія этого явленія—„дѣвки подросли, женихи-де нужны“, „заболѣлись, что въ казаки обратятъ“, и т. п.,—я слышалъ рѣшительно каждый день. Передаютъ ихъ не только антагонисты переселенцевъ—обыватели-бергаль и крестьяне-старожила, но и сами „россейцы“.

Я не имѣю никакаго основанія заподозрить правдивость всѣхъ этихъ многочисленныхъ рассказовъ; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ передо мною почти ежедневно проходятъ десятки переселенцевъ, прожившихъ въ Сибири много лѣтъ; каждаго изъ нихъ я спрашиваю о его прошломъ, и оказывается, что большинство изъ нихъ уже перебывало во многихъ мѣстахъ, пробовало осѣсть, обзаводилось хозяйствомъ, но потомъ все это бросало и уходило вновь искать—чего? я затрудняюсь сказать;—„новаго мѣста“, говорятъ они. Изъ опрошенныхъ мною семей многое множество по десять, пятнадцать и болѣе лѣтъ бродятъ неустанно по всему лицу земли русской и никакъ не могутъ найти такого счастливаго уголка, который удовлетворилъ бы ихъ настолько, чтобы они могли съ нимъ примириться и остаться въ немъ навсегда, а одна семья вотъ уже *двадцать восемь* лѣтъ тщетно ищетъ успокоенія: тро-

нувшіеся съ земли старики уже давно сложили свои кости гдѣ-то на сибирскихъ проселкахъ, и теперь ихъ дѣло продолжаютъ дѣти, сами успѣвшія состарѣться и въ свою очередь имѣющія взрослыхъ дѣтей.

„Шатанье“, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, извѣстной части переселенческой массы — фактъ настолько крупный, настолько неожиданный, что бьетъ въ глаза, приковываетъ къ себѣ вниманіе и требуетъ объясненія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ и чѣмъ объяснить это шатанье? Рядомъ добросовѣстнѣйшихъ изслѣдованій неизбежно установлено положеніе, ставшее почти общимъ достояніемъ, что переселенія имѣютъ въ своей основѣ экономическое разстройство массъ: недостатокъ или совершенное отсутствіе надѣльной земли, высота аренды, тяжесть повинностей, голодовка, и т. д., и т. д. — вотъ тѣ причины, которыя гонятъ тысячи русскихъ крестьянъ въ далекую Сибирь, заставляють переносить всевозможныя бѣдствія въ пути и въ первое время поселенія, — бѣдствія, о которыхъ мы, люди культурныхъ слоевъ общества, не имѣемъ и отдаленнаго представленія. Клокъ земли, обработка котораго дала бы возможность простаго физическаго существованія самому и дѣтямъ, безъ необходимости медленно, день за днемъ, умирать и видѣть столь же медленное умираніе близкихъ — вотъ все, о чемъ смѣетъ мечтать, какъ о недосыгаемомъ, несбыточномъ счастьѣ, переселенецъ, направляясь въ Сибирь съ рискомъ погибнуть. Все это, повторяю, стало почти аксіомой для каждаго изъ насъ, кто хоть сколько-нибудь интересуется народомъ и условіями его жизни. Но вотъ этотъ самый полуживой, голодный ¹⁾ и оборванный переселенецъ, съ кучей еще болѣе оборванныхъ и голодныхъ ребятъ на рукахъ, является куда-нибудь въ Змѣевъ и не только получаетъ доступъ къ землѣ, но достигаетъ въ немного лѣтъ такого благополучія, о вакомъ тамъ, на родинѣ, не смѣлъ и мечтать. Казалось бы, онъ достигъ всего, къ чему только манила его пылкая фантазія, о чемъ, можетъ быть, нѣсколько поколѣній его предковъ мечтали съ тоской. Но нѣтъ, все это его уже не удовлетворяетъ, всего этого ему мало, и онъ опять идетъ искать счастья на новыя мѣста, счастья еще большаго, самыя формы котораго для него смутны и неясны... Въ этомъ есть что-то ненормальное, болѣзненное.

Я далеко отъ желанія сказать, что для всѣхъ переселенцевъ

¹⁾ Последнее время въ устахъ алтайскаго крестьянина „голодный“, „голодненькій“, „переселенецъ“ — синонимы.

Сибирь является какимъ-то эльдорадо: я слишкомъ хорошо знаю, какихъ страшныхъ усилій стоило для массы изъ нихъ обзавестись хоть кое-какимъ хозяйствомъ, какъ много ихъ погибаетъ въ борьбѣ съ нуждой и совершенно чуждой обстановкой жизни „на новомъ мѣстѣ“. Не этихъ неудачниковъ переселенія я имѣю въ виду: шатаніе ихъ, какъ и многое другое, является вполне понятнымъ, неизбежнымъ, логически вытекающая изъ самой постановки дѣла... Нѣтъ, я предлагаю читателю представить себѣ тѣхъ переселенцевъ, которымъ переселеніе дало все, что отъ него требовалось, переселенцевъ-удачниковъ и въ то же время „шатуновъ“, не могущихъ найти себѣ мѣста въ природѣ.

Въ переселенческой средѣ постоянно циркулируетъ масса всевозможныхъ слуховъ и свѣденій о „новыхъ земляхъ“. Свѣденія эти поддерживаются и распространяются черезъ личные рассказы „бывалыхъ людей“, обширную переписку, которую ведутъ переселенцы и пр. Переселенецъ страстно интересуется всѣмъ, что относится до „новыхъ мѣстъ“, и съ жадностью ловитъ каждое слово, касающееся ихъ. Изъ устъ въ уста передаются многочисленные рассказы о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ переселеніямъ, и о мѣстностяхъ, почему-либо выходящихъ изъ ряда другихъ. Кто, напр., изъ переселенцевъ, даже никогда не бывшихъ въ Тюмени, не знаетъ П. П. Архипова?... Вѣрный, Лепса, Локоть, Бель-Агачъ и др., какъ раньше „Кочетовъ“¹⁾, Бійскъ, Устькаменогорскъ пользуются большой популярностью среди переселенцевъ. О каждомъ изъ этихъ пунктовъ вы услышите самые подробные и притомъ самые заманчивые рассказы; каждый изъ этихъ пунктовъ за тысячи верстъ маячитъ переселенцамъ, привлекая къ себѣ всѣ ихъ стремленія и надежды.

И для многихъ эти цвѣтистые рассказы о благодатныхъ уголкахъ, гдѣ можетъ распрямить спину согнутый нуждой бѣднякъ, имѣютъ по-истинѣ великое значеніе: въ то время, когда иной неудачникъ напрягаетъ послѣднія силы въ борьбѣ съ окружающими невзгодами, когда руки готовы безпомощно опуститься и холодъ отчаянія проникаетъ въ душу, гдѣ-то въ самыхъ тайникахъ его сердца теплится надежда, что есть еще гдѣ-то, тамъ, далеко — „Лепса, гдѣ, сказываютъ, шибко хорошо для нашего брата-россійскаго пахара“, и эта надежда поддерживаетъ его въ трудную минуту. Тотъ же Вѣрный или Кочетовъ влекутъ къ себѣ и шатуна-разбогатѣвшаго россійца, влекутъ неодолимо, страстно.

¹⁾ Г. Кочетава, Акмолинской обл.

Я не имѣю, разумѣется, въ виду подробно разсматривать здѣсь вопросъ о шатунахъ, не имѣю въ виду даже просто поставить этотъ вопросъ, какъ слѣдуетъ, такъ какъ въ краткомъ очеркѣ это невозможно и сдѣлать; мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить данное явленіе, притомъ не выходя изъ тѣснаго круга своихъ наблюденій въ настоящую минуту, т.-е. Змѣиногорска и его ближайшихъ окрестностей.

Змѣиногорскъ или, какъ чаще его называютъ, Змѣевъ, принадлежитъ также къ числу соблазнительныхъ для переселенца пунктовъ: уже лѣтъ пять-шесть слава о немъ разносится далеко по Сибири и Россіи и въ десяткахъ тысячъ переселенцевъ, или еще только желающихъ переселиться куда-нибудь, зажигаетъ самыя необузданныя надежды. Змѣевъ привлекаетъ къ себѣ и голь перекатную, и разжирѣвшихъ шатуновъ—последнихъ, пожалуй, даже больше: пока чтд, здѣсь всѣмъ находится мѣсто, всѣ жаждущіе „землицы“ получаютъ свободный къ ней доступъ.

Змѣиногорскъ и его „дача“ представляютъ въ высшей степени оригинальную картину. Представьте себѣ площадь въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ превосходной земли, лишь незначительная часть которой, и то почти исключительно сѣнокосы, занята обывателями-бергалами нѣсколькихъ крохотныхъ рудничныхъ селеній и самого Змѣева; все же остальное пространство разбито на участки по 20 и болѣе десятинъ и сдается въ аренду на условіяхъ болѣе чѣмъ льготныхъ—по 40 коп. съ десятины. Почва—превосходный черноземъ, въ аршинъ и болѣе глубины; средній урожай отъ 80 до 100 пудовъ на десятину; неурожай въ томъ смыслѣ, какъ всѣ мы привыкли понимать, почти неизвѣстны здѣсь: вспоминаютъ жители 1867-й годъ, когда была кобылка, и это все... Вся дача изрыта рѣчками и ключами, почему прекрасныхъ сѣнокосовъ много, достаточно и выгонныхъ земель. Прибавьте къ этому ровный, относительно мягкій климатъ, полное пренебреженіе къ землѣ коренного горнозаводскаго населенія, относительную близость хлѣбнаго рынка (до Семипалатинска—150 верстъ), и вы поймете, почему Змѣевъ сталъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ для рвущагося къ землѣ переселенца.

Переселенцы, разумѣется, быстро оцѣнили достоинства Змѣевской дачи, начали занимать земли и селиться на нихъ, одиночками и группами, какъ только явилась къ тому возможность, т.-е. какъ только началась разбивка дачи на мелкіе арендные участки. Число переселенцевъ, желающихъ поселиться здѣсь, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Въ настоящее время по всей дачѣ

разбросана масса отдѣльныхъ заимокъ и заимокъ-поселковъ домовъ изъ 5—10 и болѣе. Большинство этихъ заимокъ пріютилось гдѣ-нибудь въ балкѣ, на крутомъ изгибѣ рѣчки или ключа, въ тѣни небольшой рощицы, забочи. На далекое пространство, почти отъ самыхъ избъ, раскинулись пашни поселка; всюду, куда ни взгляните, колышется полосы густой пшеницы, или правильными рядами возвышаются кучи только-что сжатого хлѣба.

Уютomъ, миромъ, безмятежностью вѣетъ на васъ отовсюду въ такой заимкѣ-поселкѣ. Попадая сюда, вы какъ-то сразу поддаетесь влиянію окружающей тишины и спокойствія, вашъ глазъ не можетъ оторваться отъ картины этой кроткой, тихой красоты окружающей природы—я не умѣю иначе охарактеризовать ее,—ваши измученные нервы сразу успокоиваются, точно затихаютъ, и вамъ не хочется трогаться съ мѣста, не хочется уходить изъ поселка... Не знаю, какъ въ дѣйствительности бываетъ, но мнѣ кажется, что мягкость пейзажа, какой находить переселенецъ въ Змѣевѣ, на ряду съ земельнымъ просторомъ и возможностью пользоваться имъ, должна исцѣляюще вліять на измученную и истерзанную душу переселенца: въ ней почерпнетъ онъ силы бороться съ нуждой и надежды на болѣе свѣтлое будущее. Такое, по крайней мѣрѣ, я вынесъ впечатлѣніе отъ знакомства съ змѣевскими переселенческими заимками.

Представьте же теперь, что вы попадаете на одну изъ подобныхъ заимокъ и изъ разговоровъ съ ея обитателями узнаете, что первые ея садчики, нашедшіе этотъ уголокъ, облюбовавшіе его и основавшіе заимку, являсь сюда въ буквальномъ смыслѣ нищими и развернувъ здѣсь всѣ свои силы, достигли въ 6—8 лѣтъ не только довольства, но и крупнаго богатства, а затѣмъ вдругъ снялись и ушли, ушли неудовлетворенные—искать, „гдѣ лучше“! Вы разомъ чувствуете себя подавленнымъ, разбитымъ этимъ непонятнымъ для васъ фактомъ,—такъ глубоко онъ противорѣчитъ тому, что вы давно усвоили, какъ истину, тому, что сейчасъ разстилается передъ вашими глазами, что вы только-что слышали и продолжаете слышать отъ живыхъ, возлѣ васъ стоящихъ людей.

Что же ихъ гонить, чего они ищутъ, ради чего мятутся? Вы задаете себѣ эти мучительные вопросы и останавливаетесь надъ ними въ полномъ недоумѣніи, не найдя простого, яснаго отвѣта.

Но обратимся непосредственно къ самимъ шатунамъ: можетъ быть, исторія нѣкоторыхъ изъ нихъ разъяснитъ намъ хоть что-нибудь.

Выше упоминалось уже о Шишкинѣ. Воронежскіе крестьяне-хохлы Шишкинъ и Верещагинъ явились, лѣтъ десять-двѣнадцать

назадъ, въ Змѣевъ и остановились здѣсь на жительство. Какъ тотъ, такъ и другой представляли собой образчики переселенческой бѣдноты, близкой къ настоящему нищенству. Присмотрѣвъ земли, они арендовали себѣ участки, начали пахать и черезъ нѣкоторое время, когда дѣло пошло въ гору, завели себѣ и заимку, т.-е. поставили деревянные дома. Оба, и Шишкинъ, и Верещагинъ, были коренные пахари; съѣвъ на землю, они начали обрабатывать ее сами, прилагая все усилія, чтобы какъ-нибудь упрочить свое положеніе, что имъ и удалось блестящимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ. Этому способствовали два обстоятельства: 1) оба они принадлежали къ числу „многодушныхъ“ переселенцевъ, т.-е. въ семьѣ каждаго было много работниковъ; 2) масса свободныхъ, никогда никѣмъ не трогавшихся, земель позволяла полностью прилагать эти силы, развивать ихъ до крайнихъ предѣловъ.

Оперившись и ставъ твердо на ноги, Шишкинъ и Верещагинъ обратились къ наемному труду—къ уборкѣ хлѣба наймомъ, вспашкѣ земли и пр. Сначала въ небольшихъ размѣрахъ, какъ къ вспомогательному средству, обратились къ нему, а затѣмъ все шире и шире стали практиковать его и, наконецъ, перешли исключительно къ этой формѣ обработки земли: ни сами они, ни члены ихъ семействъ непосредственно земледѣльческимъ трудомъ уже не занимались. Та внутренняя, интимная связь между ними и землей, которая поила и кормила ихъ, которая опредѣляла весь складъ ихъ жизни, придавала характерныя черты ихъ нравственной фizioноміи, порвалась,—они вышли изъ-подъ „власти земли“.

Начавъ извлекать доходы не только изъ земли, но и изъ рабочей силы ближняго—такимъ ближнимъ является отчасти киргизъ, а главнымъ образомъ свой же братъ переселенецъ, но переселенецъ-неудачникъ или еще новичокъ, такъ или иначе нуждающийся въ заработкѣ,—они естественно пошли въ этомъ направленіи дальше. Отъ наемнаго труда перешли къ задачѣ денегъ съ зимы подъ будущую полевую работу, что выходило вдвое дешевле, къ скупкѣ весной за безцѣнокъ скота у своихъ же сотоварищей-переселенцевъ, которымъ его нечѣмъ кормить и которымъ весной такъ нужны деньги, и къ перепродажѣ скота осенью по хорошей цѣнѣ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, изъ чистой области земледѣльческаго труда оба они незамѣтно перешли на почву всесторонняго кулачества, которое и развивали по мѣрѣ силъ и умѣнья, а послѣдняго у нихъ было достаточно.

Оторвавшись отъ земледѣльческаго труда, освободившись изъ-

подъ могучей власти земли, они почувствовали тяготѣніе къ совершенно инымъ, дотолѣ чуждымъ имъ формамъ жизни—ихъ потянуло къ купечеству. Появились всѣ эти заводскіе кони, кованыя телѣжки, „шляпы изъ лавки“ и пр., появилось все то, чѣмъ можно пустить пыль въ глаза ближнему, о чемъ и сейчасъ еще обыватели рассказываютъ, захлебываясь отъ восторга. Развивая свои аппетиты въ этомъ направленіи, они вдругъ почувствовали себя неудовлетворенными: область, въ которой они съ такимъ успѣхомъ дѣйствовали, показалась имъ тѣсною, и ихъ потянуло вонъ изъ Змѣева, туда, гдѣ можно было развернуться во всю ширину богатырскаго размаха... Затѣмъ слѣдуетъ переселеніе одного въ Локоть, другого—въ Павлодаръ. Уходя, Шишкинъ поминалъ не однихъ павлодарскихъ жениховъ, не они одни должны были удовлетворить его расхолодившееся тщеславіе—онъ высказывалъ также намѣреніе записаться въ Павлодаръ въ купцы. Мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ оправдались эти надежды... Верещагинъ былъ скромнѣе: онъ хотѣлъ въ Локтѣ ни больше, ни меньше, какъ извлекать изъ десятины по сту рублей доходу: „сто пудовъ,—говорилъ онъ,—сто рублей“. Переселеніе нанесло сильный ударъ его хозяйству, такъ какъ скотина, которую онъ перегналъ въ Локоть, вывалилась, и были одни неурожаи; но послѣднее время, собственно недавній голодный годъ далъ ему возможность развернуться. Вообще дѣла его идутъ хорошо, хотя онъ и не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ.

Исторія этихъ двухъ переселеній можетъ считаться типичною и для остальныхъ, съ тою, однако, разницею, что Шишкинъ и Верещагинъ только-что на нашихъ глазахъ превратились въ шатуновъ, тогда какъ другіе стали ими давно, до прихода въ Змѣевъ. Вотъ почему на исторіи другихъ я уже не буду останавливаться такъ подробно и отмѣчу лишь наиболѣе характерные факты.

Вотъ, напр., Никита Баранниковъ, также коренной пахарь и основатель самой большой заимки въ Змѣевѣ, носящей его имя и имѣющей въ настоящее время 53 двора. Баранниковъ—бѣднякъ, явившійся сюда безъ всякихъ средствъ, но зато располагавшій громадными рабочими силами: взрослыхъ сыновей у него было 7 человекъ, изъ которыхъ только самый младшій холостъ, всѣ же остальные имѣли свои семьи. Въ немного лѣтъ Баранниковъ сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ мужиковъ въ окрестности. Источникомъ этого благосостоянія были не одни доходы отъ земли, какъ и у Шишкина. Баранниковъ „охлопоталъ участки“, и это сразу поставило его въ выгодное положеніе по отношенію къ массѣ другихъ, менѣе счастливыхъ собратьевъ по переселенію. Правда,

„охлопатыванье“ въ дѣйствительности ограничилось тѣмъ, что, облюбовавъ себѣ удобное мѣстечко, Баранниковъ съ двумя другими товарищами заарендовалъ его на 5 лѣтъ. Всякаго вновь являющагося и желающаго приселиться къ возникшей заимкѣ онъ допускалъ или не допускалъ по собственному усмотрѣнію, взимая въ случаѣ согласія извѣстную сумму въ свою пользу. Нельзя сказать, чтобы эта плата была безмѣрно велика, но все же 3—5 или 10 р. съ семьи, при постоянной смѣнѣ обитателей заимки, составляли для крестьянина довольно солидный доходъ, которымъ „при умѣ“ можно было недурно воспользоваться.

Выборъ переселенцевъ, допускавшихся къ поселенію, дѣлался Баранниковымъ тоже не безъ осмотрительности и хозяйской смѣтки: согласіе давалось лишь тѣмъ семьямъ, которыхъ впоследствии можно было бы заставить работать въ свою пользу на сходныхъ условіяхъ. Въ результатѣ такого хозяйственнаго расчета получалось то, что Баранниковъ постепенно отсталъ почти совершенно отъ личнаго земледѣльческаго труда: за него работали всѣ 50 дворовъ заимки. Передъ уходомъ Баранниковъ имѣлъ 15 паръ воловъ, до 20 рабочихъ лошадей, до 50 головъ молочнаго скота, отъ 150 до 200 овецъ. Двѣ трети выгона заимки находились въ пользованіи Баранникова, остальная же часть—50 другихъ дворовъ. Засѣвалъ онъ не менѣе 80 десятинъ пшеницей; пахалъ на трехъ плугахъ разомъ, бороновалъ въ 15 и болѣе боронъ на „связку“. Живя богато, Баранниковъ, однако, не переходилъ мѣру на манеръ Шишкина и держался вообще гораздо скромнѣе. Лѣтъ черезъ восемь его потянуло вонъ изъ Змѣева, и два года назадъ онъ переселился въ Павлодаръ, гдѣ, по слухамъ, вновь обдѣлѣлъ и снова думаетъ перебираться куда-нибудь. Двое изъ сыновей съ семьями отказались идти за старикомъ въ Павлодаръ, почему семья его нѣсколько сократилась и въ настоящее время насчитываетъ душъ до 30... Располагая такими силами, Баранниковъ можетъ надѣяться, что гдѣ-нибудь въ Лепсѣ или Жерновкѣ счастье вновь повернетъ къ нему лицо... Свой уходъ изъ Змѣева Баранниковъ объяснялъ недоумѣвающимъ знакомымъ тѣмъ, что здѣсь „хлѣбъ дешевъ, не изъ-за чего биться“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Павлодарѣ хлѣбъ бываетъ дороже только въ годы неурожая, что Баранниковъ, какъ и всѣ змѣевцы, прекрасно знаетъ.

Какъ ни недавно происходили всѣ эти переселенія, какъ ни свѣжи воспоминанія о нихъ сосѣдей и знакомыхъ, тѣмъ не менѣе возстановить по разсказамъ полную картину жизни Баранникова и др. и ихъ переселенія отсюда—довольно трудно; особенно скудны свѣденія о предъидущей жизни, до появленія въ Змѣевѣ,

а также о внутреннем настроеніи уходящихъ на новыя мѣста шатуновъ. Впрочемъ, отрывочные рассказы сосѣдей и лицъ, близко знавшихъ выселившихся богатѣевъ, позволяютъ предполагать, что душевное настроеніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, было далеко не спокойное.

Разговорился я какъ-то съ однимъ мѣстнымъ обывателемъ, г. Т., живущимъ полу-помѣщичьей, полу-крестьянской жизнью на заимкѣ-пасѣкѣ. Человѣкъ онъ немолодой, далеко не глупый, наблюдательный. Имѣя пасѣку съ 800—1000 ульями, онъ кромѣ того арендуетъ десятины 60 хлѣбопахотной земли, десятины 20 выгона, затѣмъ сѣнокосы и пр. При такомъ обширномъ хозяйствѣ ему волей-неволей приходится постоянно имѣть дѣло съ окрестными переселенцами, этой главной рабочей силой Змѣева, благодаря чему онъ имѣлъ возможность довольно близко ознакомиться со многими.

— Трудно ихъ понять,—говорилъ онъ мнѣ.—Другой сколько лѣтъ живетъ,—кажется бы, и ничего, обжился; поглядишь, и мужикъ-то ровно добрый, умный, дѣльный—есть вѣдь изъ ихняго брата разные, другой такой, что и не знаешь, какъ онъ только на свѣтѣ живетъ—ни папу, ни маму сказать не умѣетъ, а есть опять и добрый народъ, бойкій, работающій,—да вдругъ его ровно шиломъ кольветъ, сдурѣетъ, ходитъ какъ очумѣлый: все-то ему вдругъ не глянется тутъ, и то нехорошо, и это неладно, надо-де идти въ другое мѣсто. Тутъ ужъ ты ему хоть чтò говори—все равно, не слушаетъ. Былъ тутъ хохоль, Кунченко Павелъ, недавно ушелъ въ Жерновку. Проживалъ онъ тутъ довольно времени и заворотъ имѣлъ большой: одной пшеницы сѣялъ десятины 60; чтò этого скота у него было—лошадей, коровъ, и говорить нечего. Здѣсь былъ у него хорошій крестовый домъ, въ Змѣевѣ—другой, того лучше. Деньги давалъ займы, хлѣбъ скупалъ, поторговывалъ началъ. И не подумалъ бы я, что онъ уѣдетъ отсюда... Только вдругъ какъ-то прибѣгаетъ онъ ко мнѣ на вершней, вечеромъ поздно,—мы уже спать сряжались, и говорить: „Купи, сосѣдъ, у меня коровъ, дешево продамъ“.—А у тебя, спрашиваю, лишнія онѣ, что-ли? „Какія, говорить, лишнія! да я все продаю, въ Жерновку собираюсь на жительство“. Я не повѣрилъ ему: чтò ты?—„Вѣрное слово, собираюсь; купи—ждать некогда“. Самъ говорить, а самъ торопится. И показалось мнѣ, ровно бы онъ не въ своемъ умѣ былъ. Я отказываюсь брать скотъ, а онъ пристаётъ: „купи да купи, не задерживай меня, и всего-то осталось у меня продать восемь штукъ“. И купилъ я всѣхъ восемь добрыхъ коровъ за 40 рубликовъ. Домъ, чтò на заимкѣ, съ че-

тырьмя амбарами, съ флигелемъ (поѣдете, сами увидите, чего стоитъ) продалъ за 28 рублей російскимъ же; въ Змѣевѣ то же задаромъ домъ продалъ; пасѣку, другое хозяйство какое—такъ это все онъ скоро рассовалъ, собрался и уѣхалъ. За одно увольненіе въ наше общество 20 руб. заплатилъ, да виномъ еще поилъ, а въ Жерновеѣ за приговоръ то же, поди, что-нибудь взяли съ него, не даромъ же приняли. Вотъ и судите объ нихъ,—заключилъ Т. свой рассказъ о ближайшемъ по заимкѣ сосѣдѣ.

— А говорилъ онъ, почему ему захотѣлось въ Жерновку?

— Прослышалъ, что тамъ урожаи хороши.

— Ну, а какъ онъ тамъ устроился, не слыхали?

— Сказывали мнѣ жерновскіе, плохо. Въ первый же годъ залогоу поднялъ 28 десятинъ; случилась засуха, весь хлѣбъ погибъ. На слѣдующій годъ онъ завелъ запашку вдвое, опять то же,—сгинулъ хлѣбъ; взвылъ мужикъ. Теперь только скотомъ, чтѣ отсюда перегналъ, и перебивается. Хочетъ назадъ въ Змѣевъ ѣхать, на старое мѣсто. Ну, да это напрасно, ошибется въ расчетѣ,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что такъ?—спрашиваю.

— Да видите ли, всѣ они, російскіе-то богатѣи, норовятъ на одно: какъ бы цѣликовъ захватить побольше. Непаханной-то земли когда было много, придетъ такой Кунченко и начнетъ ковыряться въ землѣ — вспахалъ десятинъ 40—50, два хлѣба снялъ, сорвалъ пудовъ по 150, а то и больше съ десятины и бросилъ; распахиваетъ въ другомъ мѣстѣ — и тамъ то же. Перепакуетъ такъ сколько мѣста, распродастъ все и уѣдетъ куда-нибудь въ Жерновку—тамъ, слышь, цѣликовъ много; въ Жерновеѣ поживетъ, на Золотуху направится... Ну, а теперь у насъ не то. Лучшія-то земли всѣ заняты, цѣликовъ, поди, такъ и вовсе нѣтъ. Коли придетъ Павелъ, придется братья за пустоши, а это ему не по губѣ будетъ: полутора пудовъ она не дастъ съ десятины, нѣтъ.

Знакомясь съ мѣстными условіями земледѣлія и его ближайшей исторіей, я не могъ не согласиться съ Т. и не признать справедливости его замѣчаній.

Всѣ эти Шишкины, Баранниковы и пр. — все это народъ, въ настоящее время уже покинувшій Змѣевъ, народъ, о которомъ сохранились лишь воспоминанія у мѣстныхъ жителей. Но здѣсь же, въ Змѣевѣ, многое множество шатуновъ на лицо—одни живутъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, другіе только-что явились; тѣ собираются уходить, эти еще сидятъ на землѣ болѣе или менѣе прочно и развертываютъ свои могучія силы. Эти живые представители

шатуинства лучше могутъ передать намъ исторію своихъ переселеній, почему я и представлю два-три экземпляра изъ той обширной коллекціи, съ которой я имѣлъ случай довольно близко ознакомиться.

Вотъ, напр., Леонтій Симинченко, крестьянинъ старобѣльскаго уѣзда, харьковской губ. Передо мною сидитъ хорошо одѣтый крестьянинъ, лѣтъ 40—45. Прекрасное, серьезное, нѣсколько утомленное лицо, обрамленное длинной, темной бородой; впалые, темные глаза смотрятъ ровно, спокойно. Держится онъ просто, говоритъ ясно, отчетливо, вполне владѣя предметомъ разговора. Вообще, впечатлѣніе Симинченко производитъ чрезвычайно благоприятное. Изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что вездѣ, гдѣ онъ былъ, сумѣлъ осмотрѣться, ему коротко знакомы всѣ мѣстныя особенности: юридическое положеніе населенія, взаимныя отношенія его различныхъ группъ, земледѣліе, промыслы, религіозныя воззрѣнія и пр. и пр.—ничто не ускользнуло отъ его внимательнаго взгляда, и ко всему онъ выработалъ свое собственное опредѣленное отношеніе. И вотъ этотъ почтенный, солидный мужикъ—шатунъ, закоренѣлый шатунъ! Судите сами.

Въ 1872 г. Симинченко, распродавъ кое-какое имущество, забравъ жену и дѣтей, отправился вмѣстѣ съ другими земляками на Амуръ, куда ему попасть, однако, не пришлось: по дорогѣ онъ застрялъ въ оренбургскомъ уѣздѣ, гдѣ и поселился возлѣ станицы Топольной на 400 десятинахъ арендной земли, которую снялъ у башкиръ на три года, за 250 р. въ годъ. Прохозяйствовавъ такимъ образомъ лѣтъ пять, онъ передалъ свой участокъ другому; домъ, скотину продалъ и пошелъ дальше... Зачѣмъ? „Все выбиралъ я, какъ бы лучше, думалъ — дальше пойдемъ, лучше будетъ, потому и пошелъ въ Устькаменогорскъ“, такъ объяснилъ онъ свое вторичное переселеніе. Въ Устькаменогорскѣ онъ поселился въ поселкѣ, на такъ называемой хохлацкой землѣ, обзавелся снова домою, снялъ у казаковъ пашню по 1 р. 50 к. за десятину и опять зажилъ, созидавая свое благополучіе. Но вотъ черезъ 6 лѣтъ вновь все продается за безцѣнокъ, и Симинченко идетъ въ Змѣевъ, потому что „казаки—народъ недобросовѣстный, съ ними нельзя имѣть дѣло“. Здѣсь онъ поселился на одной изъ лучшихъ заимокъ, заплативъ за домъ 111 р., вмѣстѣ съ товарищемъ, хохломъ же, Шевченко. Въ 1888 г. онъ вновь снимается съ мѣста и идетъ въ Семирѣчье, гдѣ и поселяется въ 40 верстахъ отъ Пишпека, на участкѣ Бѣловодскомъ. Дома купить было уже не на что, жилъ на квартирѣ, перебивался поденной работою. Черезъ два года, однако, онъ опять въ

Змѣвѣвъ... Семирѣчье онъ хвалить очень: „не ушелъ бы, говорить, оттуда“. — Такъ почему же, спрашиваю, вы ушли все-таки? „Да, такъ сказать, по дуности своей: все думалъ — въ Змѣвѣвъ лучше, все собирался вернуться, да такъ два года и прожилъ тамъ“. Теперь онъ вновь обзавелся кое-какимъ хозяйствомъ, имѣеть домъ, 10 дес. пашни, 5 головъ скота, сѣнокосъ; вообще, дѣла его поправились недурно. Но, возвращаясь съ заимки обратно, я узналъ, что Симинченко опять собирается въ Бѣловодскъ...

— Хорошо живеть Сигеда?—спрашиваю своего спутника, направляясь на заимку, хозяинъ которой ликвидируетъ свои дѣла и переселяется въ другое мѣсто.

— Хорошо! мужикъ богатѣющій; заимка — цѣлый поселокъ, и все его, Сигеды, дома. Вотъ сами увидите.

Подъѣзжаемъ. Въ небольшой лоцинѣ, на берегу ключика — цѣлый поселокъ: вокругъ площадки расположены пять домиковъ, амбары; въ сторонѣ мельница, дальше пасѣка. Горы кизяка изготовлены. Все огорожено, вездѣ порядокъ. Встрѣчаетъ насъ старикъ 74 лѣтъ, совершенно бѣлый, но бодрый, здоровый. Поздоровались. Спрашиваю, кто на заимкѣ, кромѣ него, живеть. — „Да я, говорить, одинъ“. — А кто же въ этихъ избахъ живеть, чьи это амбары? — „Мои амбары, дѣти тутъ живутъ“. Оказывается, семья старика состоитъ изъ 25 человекъ. Старикъ этотъ — настоящій патріархъ, крѣпко держащій въ рукахъ свою многочисленную семью, твердо правящій однимъ обширнымъ хозяйствомъ. Съ первыхъ же словъ нашъ разговоръ перешелъ на причины, побуждающія старика ликвидировать хозяйство, и я узналъ слѣдующее.

Евграфъ Сигеда — бывшій крѣпостной графа Шереметева изъ хутора Сѣвернаго, бирюченскаго уѣзда, воронежской губерніи. Надѣлъ сѣверновскихъ крестьянъ былъ по истинѣ микроскопическій — 1 дес. 20 кв. саж. на ревизскую душу. Понятно, что Сигедѣ, имѣвшему нѣсколькихъ женатыхъ сыновей, не къ чему было приложить свои силы, и онъ въ концѣ концовъ бросилъ родину и ушелъ на переселеніе въ 1874 г. Направился онъ въ Лепсу, тогда еще простую станицу сергіопольскаго уѣзда. „Шли-то мы на Амуръ, да въ Оренбургѣ отъ своихъ же, російскихъ, узнали про Вѣрный, про Лепсу, — ну и свернули въ сторону“, пояснилъ онъ свой первый выборъ. Мѣсто оказалось дѣйствительно хорошимъ. Земли тучная, черныя; казенная десятина давала по 150 пудовъ превосходной пшеницы. Чтобы составить себѣ понятіе объ окружавшей Сигеду на первыхъ порахъ благодати,

достаточно сказать, что когда выдался неурожайный, по тамошнимъ понятіямъ, годъ — „весь народъ тосковалъ“, — говорить Сигеда, — десятина давала не меньше 60 — 80 пудовъ пшеницы... Сѣнокосы также недурны. Фруктовъ масса: всѣ сопки покрыты сплошными дикими „садами“, гдѣ яблоки собирались буквально возами... Зимы мягкія, теплыя, такъ что лошади все время остаются въ ничѣмъ незащищенныхъ пригонахъ. Земли были вольныя, нетронутыя — паши, гдѣ хочешь. Такова внѣшняя обстановка, въ которую попала наголодавшаяся, недавно вышедшая изъ крѣпостного рабства семья Сигеды.

— Первое время жить намъ было очень хорошо, — вспоминаетъ Сигеда. — Орда была необразованная, работала, почитай, вовсе даромъ, за одинъ кусокъ хлѣба: другой за коралку цѣлый день тебѣ пластается. Судите сами: поставили мы спервоначалу мазанку — 24 аршина длины да 14 ширины; всю работу дѣлали киргизы, — я только указывалъ, гдѣ какъ заплетать да глину валивать. Сдѣлали это они избу, обмазали, выбѣлили начисто — только приходи и живи въ ней, и взяли они съ насъ за это всего только четыре рублика. Какъ же тутъ было не жить! Пахали мы сами, а убирала хлѣбъ киргизы; нанимали мы ихъ съ зимы по 1¹/₂ — 2 р. за десятину, да тамошніе хлѣба не приходится равнять со здѣшними — тамъ шибко густы растутъ.

— Что же, вы сами и работали весной на пашнѣ? — спрашиваю я, желая точнѣе выяснитъ положеніе семьи.

— Зачѣмъ сами, — невозмутимо отвѣчаетъ старикъ: — работники робили, только на нашихъ, слышите, волахъ; ну, и кормили и одѣвали мы ихъ за это. Самимъ, слава Богу, робить не доводилось!

— Запахивали мы немного, — продолжалъ онъ: — десятины 10 — 12. Пашня самая маленькая, а больше не изъ чего было заводить — хлѣбъ некуда было сбывать. Повѣрите: мы скупали хлѣбъ у орды, такъ самую что ни на есть лучшую пшеницу тащили къ намъ по 5 к. за бадейку, а въ бадейкѣ-то 1¹/₂ пуда. Тащили — только бери, батюшка! Продавали хлѣбъ по 15 — 20 к. киргизамъ же, что караваномъ приходили изъ Каркараловъ, Сергіополя; только на деньги продавали мало, все больше на товаръ — божи, чай, сахаръ, чтд только по хозяйству тебѣ нужно, потому у орды денегъ много не сыщешь. Ну, нечего Бога гнѣвить, и тутъ соблюдали свою выгоду! И жили мы такъ пять лѣтъ, потомъ вдругъ забоялись, какъ бы насъ въ казаки не оборотили: мѣсто наше пограничное, долго ли, думаемъ, до бѣды. Подумали-

подумали, пошли изъ Лепсы и пришли на Золотуху, Локтевской волости. Здѣсь опять жили годовъ шесть.

— Что же, худо тамъ было?

— Нѣтъ, мы и на Золотухѣ жили ладно. Можно бы и тамъ жить хорошо, потому, первое дѣло, земли не обмежеваны были, — паши, значить, сколько твоей душенькѣ хочется; второе, киргизовъ этихъ тамъ предостаточно, и російскихъ, что въ работу наймутся, тоже не мало. Жить можно бы.

— Почему же вы не жили?

— Да какъ вамъ сказать? Очень ужъ Змѣевъ хвалили; только и разговору было, что про Змѣевъ. Мы и думаемъ себѣ: поѣдемъ, попытаемъ счастья, можетъ быть, въ Змѣевѣ и въ правду лучше будетъ. Такъ вотъ собрались да и поѣхали, да вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ поселились да все время и живемъ съ тѣхъ поръ.

Восемь лѣтъ жили Сигеды, обстроивались, расширяли свою хозяйственную дѣятельность. Но вотъ вдругъ ихъ опять потянуло на новое мѣсто, и они все, что созидалось въ теченіе столькихъ лѣтъ, бросаютъ и весной слѣдующаго года уходятъ въ деревню Александровку, Локтевской волости, гдѣ въ Петровки уже подняли 40 десятинъ залогу для весенняго посѣва.

Въ Змѣевѣ, какъ и въ Лепсѣ, Сигеды вели хозяйство въ значительной степени „на киргизахъ“: уборка хлѣба, сѣна и пр. исполняются ими, остальные работы — російцами. Самому старику и его сыновьямъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ принадлежитъ почти исключительно руководящая роль. Сыновья, впрочемъ, работаютъ, но они заняты больше различными ремесленными работами, необходимыми въ большомъ хозяйствѣ.

О размѣрахъ теперешняго хозяйства Сигеды даютъ понятіе слѣдующія цифры. Выгона у него 84 дес., часть которыхъ обращена подъ хлѣбопашество, пашни — 52 дес., сѣновоса — 41 дес. Посѣвъ настоящаго года такой: пшеницы — 40 дес., овса — 7 дес., полбы, проса, ячменя — по 1 десятинѣ, озимой ржи — 12 дес. Кромѣ того, есть посѣвы льна, конопли въ размѣрахъ, требуемыхъ нуждами многочисленной семьи. Вся обстановка свидѣтельствуетъ о полной зажиточности.

Переселеніе и поиски лучшаго со стороны Сигеды меня ставили въ тупикъ, что я ему прямо и высказалъ.

— Не любятъ насъ, російскихъ, здѣсь очень, сами знаете. Другое дѣло, общественной службой долятъ — то въ сотники, то въ десятники, то въ старосты, все насъ да насъ, на ноги поднятъся не даютъ.

— Что же, вы думаете, васъ въ Александровкѣ не будутъ также „долить“ службой, какъ и здѣсь?

— Какъ, поди, не будутъ! И сейчасъ за приговоръ съ насъ взяли...

Изъ окна избы, гдѣ мы сидѣли, виднѣлись владѣнія Сягеды: широко раскинулись поля уже убраннаго хлѣба, сѣнокосы. Я указаль на разстилающуюся передъ глазами картину.

— Вѣдь все это, все—ваше! Неужели вамъ еще этого мало, что вы ѣдете куда-то въ Александровку? Вѣдь тамъ ничуть не лучше, большого приволья и тамъ нѣтъ. Смотрите, вѣдь вы уже старцемъ стали, у васъ сыновья сѣдые старики, неужели вамъ не тяжело такъ ходить вѣчно съ мѣста на мѣсто?

Старикъ молчалъ и какъ-то по-дѣтски улыбался, оглядывая свои владѣнія. Я распрощался и сѣлъ въ телѣжку.

— Хваляте, слышь, Александровку,—сказаль старикъ, стоя на крыльцѣ и смущенно поглядывая на меня.

Я чувствовалъ себя подавленнымъ; тупая тоска охватила меня...

Въ самомъ дѣлѣ, чтò же это такое? Чтò же заставляетъ этого семидесятилѣтняго старца чувствовать себя вѣчно неудовлетвореннымъ, вотъ уже двадцать лѣтъ переходя съ мѣста на мѣсто, въ поискахъ такого уголка, гдѣ бы можно успокоиться? И неужели для него такъ-таки и не будетъ другого покоя, кромѣ покоя уже близкой могилы?

Мысленно пропуская передъ собою шатуновъ-богатѣевъ, видѣнныхъ мною лично, и тѣхъ, о которыхъ я слышалъ только рассказы, я нахожу одну общую всѣмъ имъ черту, и въ ней-то, я думаю, лежитъ главная причина занимающаго насъ явленія. Припомните всѣхъ этихъ Шишкиныхъ, Кунченко. Всѣ они начинаютъ однимъ и тѣмъ же—голодомъ. Голодь, измучивши ихъ въ конецъ, отняль послѣднія силы терпѣнія, гонить ихъ изъ дому; голодь, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, сопровождаетъ ихъ въ пути; съ нимъ же приходятъ они на мѣсто; не имѣя иного стремленія, иного желанія, кромѣ желанія утолить вызываемыя имъ боли и судороги. Наконецъ онъ, переселенецъ, достигаетъ цѣли своихъ многолѣтнихъ мечтаній и находитъ необъятныя пространства превосходной, не знавшей плуга земли, которая какъ будто только ждала его, голоднаго, чтобы одѣться хлѣбами и вознаграждать за всѣ претерпѣнныя имъ муки и страданія... И онъ набрасывается на эту никѣмъ не трогавшуюся землю, развиваетъ всѣ свои силы, на которыя только способенъ онъ самъ и его

семья; онъ „убивается“ надъ землей, съ утра до ночи „пропадаетъ“ надъ ней. Года въ два, три онъ уже сталъ на ноги, онъ уже не знаетъ мукъ голода. Но ему этого мало, въ немъ развивается неутолимая жадность къ землѣ: помня горькое прошлое, онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы захватить въ свои руки кусокъ побольше да пожирнѣе... А личныхъ силъ уже не хватаетъ—онъ давно истощены и цѣликомъ отданы землѣ... Но тутъ, рядомъ есть „необразованная орда“, также голодная, толпы голодныхъ, только-что пришедшихъ россійцевъ, силами которыхъ удобно воспользоваться въ своихъ личныхъ интересахъ. Этого какъ будто даже требуетъ его благодѣтельница - земля: вѣдь сколько ея, матушки, лежитъ еще нетронутой, ждетъ не дождется пахаря, который пришелъ бы и обработалъ ее... Онъ, ставшій на ноги росіецъ, это сдѣлаетъ, голодная орда и голодные земляки ему помогутъ... Затѣмъ все идетъ какъ слѣдуетъ: разрывъ съ личнымъ земледѣльческимъ трудомъ и переходъ къ исключительно наемному труду, связанная съ этимъ эксплуатація ближняго, затѣмъ ссуды, торговлишка... Жажда наживы вступаетъ въ свои права и не находитъ удовлетворенія... Превращеніе готово: вмѣсто „коренного пахаря“ передъ нами чистокровный стяжатель, кроткій, тихій, потому что кротка и щедра окружающая его природа, но все-таки стяжатель. Какъ истый стяжатель, онъ уже не ходитъ за землей, не воздѣлываетъ ее—не „гдитъ“, какъ удачно выражаются сибиряки, а самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабитъ ее, забывъ, чѣмъ онъ ей обязанъ. Сорвавъ два, три посѣва, онъ переходитъ на другое мѣсто; „перепакостивши“ все, что только можно, онъ жадно ловитъ слухи о томъ, гдѣ еще есть цѣлики, гдѣ еще можетъ притѣнуться онъ и продолжать свое грабительское дѣло и, заполучивъ нужныя свѣденія, уходитъ туда... Шли годы, стяжатель дѣлалъ свое дѣло, переходя съ мѣста на мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилось все меньше и меньше дѣвственныхъ, нетронутыхъ земель: куда онъ ни бросится, вездѣ одно и то же—одни слѣды стяжательской дѣятельности, цѣликовъ остается уже мало. Тоска, тревога охватываютъ его душу; онъ мечется изъ стороны въ сторону, переходя съ мѣста на мѣсто, разстроивая свое хозяйство, постепенно спускаясь на ту ступень, съ которой онъ началъ—къ бѣдности. Такимъ образомъ, стяжательство, какъ грѣхъ противъ земли-кормилицы, само въ себѣ несетъ зачатки возмездія... И вотъ передъ нами шатунъ, завершившій весь кругъ своей дѣятельности—Баранниковъ, Шишкинъ, Симинченко.

Не правда ли, какой хищный, отвратительный типъ? Да, отвратительный. Но во имя мукъ и страданій, пережитыхъ когда-то каждымъ изъ этихъ хищниковъ, будемъ хоть сколько-нибудь — не снисходительны къ нимъ, нѣтъ, а просто внимательны и подойдемъ къ нимъ поближе.

Что такое этотъ шатунъ-хищникъ по своему внутреннему содержанию? Сынъ голоднаго отца, внукъ голоднаго дѣда и самъ нѣкогда голодный, онъ съ дѣтства не зналъ иного стремленія, кромѣ стремленія утолить муки голода своего и своей семьи; къ этому пункту въ концѣ концовъ сводились всѣ его помыслы, всѣ побужденія; въ насыщеніи себя и близкихъ онъ видѣлъ весь смыслъ своей жизни. Время отъ времени и его, разумѣется, куда-то манило, что-то иное, помимо насыщенія, забредало ему въ голову, но въ столь неясныхъ, смутныхъ образахъ, что кромѣ еще горшей тоски ничего не оставляло по себѣ.

И вотъ этотъ-то человекъ съ выѣденной, опустошенной душой, съ дѣтства видѣвшій вокругъ себя такія же опустошенныя души, попадаетъ, наконецъ, куда-нибудь въ Лепсу или въ Оренбургскую степь и получаетъ полнѣйшую возможность удовлетворить стремленіе, съ колыбели ставшее цѣлью его жизни, какъ оно было цѣлью жизни для нѣсколькихъ поколѣній его предковъ. Естественно, у него голова кружится, онъ теряетъ подъ ногами почву отъ нахлынувшей массы новыхъ, незнакомыхъ ощущеній. Наконецъ, онъ лично начинаетъ насыщаться, но голодь нѣсколькихъ поколѣній не знаетъ утоленія. Истощивъ свои силы, онъ истощаетъ силы другихъ для утоленія своего голода; онъ грабитъ землю, его питающую, грабитъ окружающее населеніе, наконецъ достигаетъ такой точки, дальше которой онъ не можетъ развивать свои силы. Казалось бы, достигнуты всѣ, даже самыя пламенные мечты; казалось бы, можно остановиться въ этомъ направленіи и подумать о чемъ-нибудь другомъ. Но въ опустошенной душѣ нѣтъ мѣста инымъ стремленіямъ, инымъ побужденіямъ, которыя можно было бы противопоставить жадѣ насыщенія, перешедшей въ стяжательство. А такъ какъ безъ цѣли, хотя бы какой-нибудь, человекъ жить не можетъ, то онъ начинаетъ страстно искать ее, метаться изъ стороны въ сторону; окружающее благополучіе уже не удовлетворяетъ его. Понятно, что онъ можетъ найти эту цѣль только въ извѣстномъ направленіи — вѣрнѣе, ему будетъ казаться, что она только въ этомъ направленіи и можетъ находиться. Отсюда — жажда, съ которой ловятся слухи о новыхъ мѣстахъ, торопливость, съ которой бросается насиженное мѣсто

для другого, невѣдомаго... Но удовлетворенія онъ не найдетъ, потому что стяжательство не знаетъ границъ. И вотъ шатунъ, съ опустошенной душою, съ истерзаннымъ, жаждущимъ успокоенія сердцемъ, бродить, не зная отдыха, не видя конца своимъ скитаніямъ...

Типъ шатуна-хищника антипатиченъ, но и жалобъ онъ въ то же время, жалобъ тѣмъ, что несетъ, какъ будто, на себѣ искупленіе за чужіе грѣхи.

С. Марусинъ.

